

Андрей Новиков

**Нерасчётливый
наследник**

Андрей Новиков

Нерасчётливый наследник

Москва

«Воймега»

2014

УДК 821.161.1-1 Новиков
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Н73

Художник: Сергей Труханов

А. Новиков
Н73 Нерасчётливый наследник. — М.: Воймега, 2014. — 44 с.

ISBN 978-5-7640-0162-3

© А. Новиков, наследники, 2014
© С. Труханов, оформление, 2014
© «Воймега», 2014

Об этой книге

Эта книга должна была выйти при других обстоятельствах, в другое время и под другим названием. Андрей Новиков собирал её не спеша, оставляя место под будущие стихи. Как-то он поинтересовался у меня о возможности издания сборника в «Воймеге», но больше к этому разговору не возвращался. За много лет я раз или два только слышал, как Новиков читает стихи, а на бумаге не видел никогда — настолько он не позиционировал себя как поэта. После трагической смерти Андрея ко мне обратилась Лиля Газизова — так появилась новая рукопись, новое название (спасибо Ольге Ермолаевой), новая книга. Книга стихов Андрея Новикова, культуртрегера и издателя, выпустившего множество книг разных авторов, но за десять лет так и не успевшего собрать и выпустить свою.

В начале двухтысячных я не раз видел Новикова на литературных мероприятиях, хотя близко познакомиться нам удалось только в Коктебеле, на одном из первых Волошинских фестивалей. Мы оказались в общей компании (Андрей Коровин, Лена Гончарова, Слава Харченко), за бутылкой местного десертного вина разговорились, и я узнал интереснейшего собеседника, хорошо понимающего поэзию и разбирающегося в ней. Оказалось, что мы ровесники и земляки: оба родом из восточного Подмосковья и в юности пересекались на футболе (команда, за которую я играл, не раз приезжала на матчи в Дзержинский, где жил Новиков). Общая юность сближает, мы стали общаться. Меня поражало, как Андрей сыпал идеями, у него всегда были планы. Пусть не все они состоялись, но по части креатива Новиков был одним из самых талантливых людей, которых я знаю. «Рука Москвы», фестиваль «Порядок слов» в Минске, журнал «Сетевая (позже — «Современная») поэзия», поэтическая серия при журнале, портал «Литафиша» — только самые заметные из проектов, которые он придумал и успел осуществить.

Однажды Андрей куда-то исчез. Вернее, в эпоху расцвета LiveJournal и icq его всегда можно было найти в сети, написать и получить ответ, но не видел его я, наверное, больше года. О проблемах, которые он тогда

испытывал, трудно было догадаться. Сам Андрей никогда не жаловался. Мы встретились на одном из вечеров, и я не узнал его растерянного и потерянного взгляда. Последний проект, который мы сделали совместно, — книга Григория Кружкова «Двойная флейта», выпущенная «Воймегой» и издательством «Арт Хаус медиа», где Новиков работал. В то время я часто заходил к нему в офис-склад на Марксистской. Андрей вечно таскал и переключал пачки книг, поправлял очки, снова переключал книги, рассеянно улыбался, приглашал пить чай и увлечённо рассказывал о том, кого будет издавать в ближайшее время. Планов было много, и я не сомневался, что рано или поздно он их воплотит в жизнь.

Однако весной 2014-го он снова пропал. Родные забили тревогу, Андрея искали больше месяца, пока не выяснилось, что его похоронили под Сходней как неопознанного. Уже всё было ясно, но я помню волны ужаса, которые накатывали, когда мы с Лилей искали могилу на Перепечинском кладбище по номеру, написанному на какой-то бумаге из морга. Долго бродили среди обезличенных холмиков и табличек с цифрами, нашли, положили цветы, и мне вдруг стало спокойно. Лиля осталась у могилы, а я пошёл на аллею. Назад возвращались молча, для конца апреля было жарко, Лиля сняла туфли и до выхода с кладбища шла босиком...

В слове памяти Новикова в журнале «Номо Legens» Илья Леленков написал, что свою книгу Новиков так и не издал. «Некогда было. Для себя. Но я знаю, что такая книга готовится. И в том самом издательстве, в котором хотел Андрей. Андрею бы понравилось».

Книга вышла. Надеюсь, Андрею нравится.

Александр Переверзин

Заметки об Андрее Новикове

Услышал гул под небесами
волн звуковых.
Смотри — а он ещё меж нами,
среди живых.

Это сказал — о себе и о Хлебникове — Андрей, Андрюшка Новиков, он ещё недавно был с нами, разнообразно сиял нам — и вот оставил свои слова, свои стихи, свои последние заветы...

Он больше века ум тревожит
и сторожит.
Поступит жизнь с тобою строже,
но надо жить.

Это опять о Хлебникове, о ХВВ, как Андрей его назвал в стихотворении, но — и о своей собственной судьбе тоже:

Ему служило солнце, словно
и хлеб и кров.
И были радостным уловом
добро, любовь.

Весь скарб его, одежда, утварь —
Бумаг мешок.
А он вставал с травы под утро
И дальше шёл.

А дальше страшнее:

Как нерасчётливый наследник,
открыв сезам,
он каждый день жил как последний
и умер сам.

И правда что... И Андрей именно так поступил. Нерасчётливый наследник. Который всё про себя прекрасно знал. Оттого и смотрел в последнее время всё больше внутрь себя, что-то взвешивал, прикидывал, отмерял... не одобрял. Без иллюзий. Но, уходя и уже уйдя, потому что «он каждый день жил как последний и умер сам», — сумел оставить подарки друзьям: стихи с посвящениями самым близким: Дмитрию Макарову, Наталии Осташевой, Владимиру Шевчуку, Славе Харченко, Олегу Шатыбелко (Шаткому, как назвал его сам), Герману Власову... Ну и отдельная песня — стихи Лилии Газизовой... Совершенно прелестный «Триптих Лиле» — я, внимательная читательница Новикова, и не предполагала, что столько нежности, радостного любования, какого-то победного, ликующего звона откроется вдруг в его новом голосе... Многих книжек, пожалуй, стоят эти последние в его жизни озарения любви, вспышки невероятной нежности... то затейливый акросонет придумает для милой... то вдруг скажет :

Твоё имя как колокольчик.
Твой приписной адрес — начало лета.
Ты носишь браслеты и под перчатками кольца.
У тебя инициалы «Литературной газеты».

Ты, как Сфинкс, загадочна и красива,
Твоя улыбка неуловимо прекрасна.
Я — «Little boy», ты моя Хиросима.
Ты — княжна, что в плену у Разина.

Любить тебя лучше всего в апреле,
Целовать, гладить волосы твои терракотовые.
Пересекаются наши параллельные.
Неизменно.
Кто ты?

Ну вот. Не мог и тут без своего угрюмоватого юмора: «У тебя инициалы «Литературной газеты»...»

А поводов для невесёлого у Андрея в последнее время было предостаточно:

Тихий двор возмутится;
В окна моей палаты
Видно всё торжество:
Как, окружив больницу,
Ёлки в белых халатах
Празднуют Рождество.

Я, зная Новикова совсем не больше, чем другие, бесконечно, безмерно, по гроб жизни благодарна ему за то, что Андрей открыл для меня эту золотоносную руду — сетевую поэзию. Он ведь многое время тащил её на себе, как бурлак, он хлопотал о ней, нянчился с этими, тогда таящимися под спудом стихами, писал о них, выпускал, издавал сначала в виртуальных видах, потом и на бумаге... Андрей был прекрасно образован, умён и сдержан и как-то очень взросл... просто не по годам. И всё казалось мне занятым какой-то невесёлой думой... Дума эта оформилась в блистательном и, как оказалось, убийственно пророческом стихотворении, которое теперь, когда знаешь подробности несчастной гибели Андрея, невозможно читать без содрогания:

Давай попьём из Чистого пруда,
Как наши предки, — по глотку водицы...
Мы вновь с тобой увидимся, когда
Тебя потом отпустят из больницы.

Моё здоровье — даже не вопрос,
Ведь мне привычен яд московских улиц.
Здесь и с бульваров есть особый спрос —
Смотри, как их в бараний рог согнули.

«Пожалуйста, голубчик, не лижись...»
Блин, извини, опять я стал цитатен.
Давай поговорим с тобой за жизнь
(Ну, про любовь и женщин — в результате).

Про мальчиков и девочек, про то,
Как страсти жар с котлов срывает крышки
И мы в аду... Поговорим потом,
Что у твоей души покрой парижский,

А я, что ни скажи, московский скиф.
Мои глаза, смотри, тому порука.
Хотя, увы, сегодня от тоски
Я сам кому лизнул бы нежно руку...

Смотри — на нас луна глядит совой,
Упрёком в том, что каждый в мире грешен.
Я скоро в ироничный город твой
Приеду разводить мосты и женщин.

И снова на Садовой садовод
В погонах обдерёт меня как липку.
Я сердце отдавал в минувший год
Уже не одному «святому» лику,

Но этот дар не нужен никому —
Боятся все подарки приносящих...
И потому я в памяти суму
Плодов подобных зло собираю чаще.

И невская туманная хандра
Накинется опять кошачьим сплином,
И я пойму — в Москву бежать пора
От города домов из пластилина.

С тобой — наоборот, и ты никак
В Москве пробыть не можешь долго слишком...
Давай попьём...
...к пруду не приникай!!!
Пойдём-ка и возьмём ещё винишка!

Да, это Андрей, сказавший неожиданно: «Давай попьём из Чистого пруда», — как раз и утонул в этом самом пруду к суеверному ужасу всех знавших его как превосходного пловца, ныряльщика в прорубь на Крещение...

Вот что это такое? Теперь собирай всё, что зацепилось, как новогодние иголки, в памяти...

Андрей, такой серьёзный, взрослый и большой, к моему изумлению, любящий милую песенку «Совы нежные» и даже вступивший в сообщество «sovy_pezhnye» (я, по его примеру, тоже стала любить этих нежных сов!)

Андрей, «поцеловавший» своей машиной автомобиль Славы Харченко, но! пред изумленны взоры явившегося ГАИ тогда предстали не мрачные «потерпевшие», а развесёлая хохочущая, едва ли не по-братски выпивающая на капоте группа совсем не раздосадованных на жизнь людей...

Андрей, купающийся в снегу в Нижнем Новгороде. Андрей, пьющий с похмелья холодный «Тан» в этой долгой прогулке по ледяному Нижнему... Андрей, покупающий плетёного слоника...

Андрей, поящийся этого невинного плетёного слоника коньяком в кафе на острове, куда мы забежали, спасаясь от жестокого мороза... Андрей, в автобусе, там же, в Нижнем, всё клонящийся-клонящийся-клонящийся свою усталую от безумных дней и ночей голову мне на плечо — под смеющимся взглядом Андрюши Коровина, и Андрей, детски-доверчиво наконец уснувший тогда на моём плече... Да, он был мне, наверное, как

брат... Андрей, организующий бесконечные фестивали в Минске. Андрей, выпускающий чужие книжки и разносящий их по редакциям. Деликатный и негромкий, нешумный Андрей. Андрей, нежно любящий Сербию и без конца мотающийся в эту страну... Андрей, никогда на моей памяти не рвавшийся печатать свои стихи... Притом что был по-настоящему одарён и талантлив, с прекрасным вкусом, с тщательно накопленной литературной осведомлённостью... Редкая скромность и достоинство были в этом человеке — если брать по гамбургскому счёту... ну а не по гамбургскому — тоже всего предовольно: Андрей, сжигающий свой билет из Минска, подпалив его зажигалкой и весело глядя, как тот скручивается при горении (нашёлся некто, заснявший для истории эту сцену)... Да много было чего. Много чего было...

Но я и сейчас роняю слезы, глядя на Москву, на цветущие по-царски золотые липы, на серый затрапезный дождик, — потому что говорю всему: Андрей!.. — и, подождав, опять говорю: Андрей! Словно ожидаю от этого, такого дорогого, так несправедливо и рано потерянного, по-детски заплутавшегося где-то в ветвях, в облаках, нерасчётливого наследника — ответа...

Ольга Ермолаева

20 июня 2014

Лиле Газизовой

Московская прогулка

* * *

Опять один. Отрезанный ломоть,
Щербатый нож, тупая боль в ключице.
Выходит одиночество само,
Что никогда, я думал, не случится.

Глаза, не видя, тупо смотрят в пол,
И новые стихи накатом сплина
Облегчат несмолкающую боль,
Как верная таблетка аспирина.

Конечно, всё опять пройдёт само,
Ведь мы когда-то проходили это.
Но почему душа опять раздета?
Сижусь один. Отрезанный ломоть.

* * *

Он — прекрасный неврастеник, и этим всё сказано...

Из личной переписки

Смотри — по краешку беды
Идёт прекрасный неврастеник.
Аукцион — она и ты,
И обе без копейки денег.

Азарт в партере — крик на крик,
Букмекер принимает ставки,
И у экранов материк,
Закрывший все кафе и лавки.

В табло недель — на равных счёт,
За раундом проходит раунд.
Ну что предложите ещё,
Уставшие от Liebe фрау?

А он, продолжив путь к себе,
Помашет вам рукой с карниза.
Но вы не сломитесь в борьбе,
Увидев то, что будет, — снизу.

А то, что смерть — любви дитя,
Прочту я в новом бюллетене
И сердце прилеплю, шутя,
К доске бесплатных объявлений.

* * *

Подсудимому всегда полагается
Последнее слово.

Приговорённому —
Последнее желание.

Самоубийца на себя полагается,
Когда умереть есть большое желание.

Почему-то проще сказать: «Прощай!» —
Будто слов на свете не бывает других.

...Иногда только думаешь:
«Вот бы научились прощать

И себя и других...»

* * *

минотавр давно убит
жертвы квиты
есть другие у судьбы
лабиринты

ночью выйди посмотри
тихо ясно
спит спокойно остров крит
жизнь прекрасна

только память не умрёт
не остынет
посмотри на небосвод
он не синий

где луны латунный гвоздь
вбит нелепо
золотые зубы звёзд
в пасти неба

* * *

Крыша, простившись с городом,
Тихо плыла на запад.
Звёзды, одевшись в золото,
Чуяли счастья запах,
Лезли лучами-лапками
Из колыбели неба,
Мы их брали охапками,
Веря в такую небыль,
Были мечтами грешными
Сладко неуголимы...

А наутро сгоревшими
Наши сердца нашли мы.

Настоящее кино

Это кино без границ и правил,
Каждый уборщик стремится в титры.
Кто-то кого-то попкорном травит,
Кто-то — младенец, а кто-то — Ирод.

Дальше смотри. Магазин игрушек.
Кастинг прошёл, продавщицы квасят.
В пыльной подсобке усталый грузчик
Баха играет на контрабасе.

Кадры в финале: актёры, роли.
Вместо «The End» на экране — «Хватит!»
А на столе, где кагор был пролит, —
Пьяный продюсер лицом в салате.

Стансы

Глаз проворная ловкость,
Плоских шуток набор
И единая плоскость —
Наш с тобой приговор.

Как обычно, виною
Выступает вино.
Не оставаясь со мною,
Ты осталась со мной.

Словно по мрамору клавиш,
Наш скользит разговор.
Ты молчишь и лукавишь,
Я осторожен, как вор.

В горле горькая полночь,
В комнате пустота.
«Я люблю тебя, сволочь», —
Шепчут твои уста.

ХВВ

Ногу за ногу заложив,
Велимир сидит. Он жив.
Хармс

Он больше века ум тревожит
И сторожит.
Поступит жизнь с тобою строже,
Но надо жить.

А мир, что зримо им построен,
Стоит, как Рим.
Как будто бы незримых трое
Следят за ним.

Ему служило солнце, словно
И хлеб и кров.
И были радостным уловом
Добро, любовь.

Весь скарб его, одежда, утварь —
Бумаг мешок.
А он вставал с травы под утро
И дальше шёл.

Как нерасчётливый наследник,
Открыв сезам,
Он каждый день жил как последний
И умер сам.

Услышал гул под небесами
Волн звуковых.
Смотри — а он ещё меж нами,
Среди живых.

* * *

ты безусловно станешь старше
а я конечно стану строже
бывает что солдат на марше
стирает в кровь на пятках кожу
конечно боль залижет рану
и от неё увы не деться
но знаешь как-то очень странно
мозоли натереть на сердце

Любовь к шампанскому

Мой друг сказал:
— Не надо яблок!
В них слишком много витаминов!
Налейте водки! Можно в шляпу,
Коль все испачканы стаканы...

А мне —
Не надо ананасов!
Хочу шампанского — рекою!
Его особенно алкаешь
Под утро с длительной попойки.

Хоть я, конечно, северянин
В сравненьи с жителями Крыма,
Но портить вкус его не стану
Я этой пищею буржуйской.

Привычным жестом Дон Жуана
Лицо зари хлопком я встречу.
И припаду к губам бутылки
В томимом жаждой поцелуе.

И лишь тогда я в чём-то крымском
Найду восторженные строчки
И наконец-то успокоюсь
В кругу своей игривой Музы.

Ну,
Понимаете, как важно
С утра найти порой бывает
Измученной душе поэта
В стекле бутылки —
Вдохновенье?

Московская прогулка

1

Дмитрию Макарову

Давай попьём из Чистого пруда,
Как наши предки, — по глотку водицы...
Мы вновь с тобой увидимся, когда
Тебя потом отпустят из больницы.

Моё здоровье — даже не вопрос,
Ведь мне привычен яд московских улиц.
Здесь и с бульваров есть особый спрос —
Смотри, как их в бараний рог согнули.

«Пожалуйста, голубчик, не лижись...»
Блин, извини, опять я стал цитатен.
Давай поговорим с тобой за жизнь
(Ну, про любовь и женщин — в результате).

Про мальчиков и девочек, про то,
Как страсти жар с котлов срывает крышки
И мы в аду... Поговорим потом,
Что у твоей души покрой парижский,

А я, что ни скажи, московский скиф.
Мои глаза, смотри, тому порука.
Хотя, увы, сегодня от тоски
Я б сам кому лизнул бы нежно руку...

Смотри — на нас луна глядит совой,
Упрёком в том, что каждый в мире грешен.
Я скоро в ироничный город твой
Приеду разводить мосты и женщин.

И снова на Садовой садовод
В погонах обдерёт меня как липку.
Я сердце отдавал в минувший год
Уже не одному «святому» лику,

Но этот дар не нужен никому —
Боятся все подарки приносящих...
И потому я в памяти суму
Фруктов подобных зло собираю чаще.

И невская туманная хандра
Накинется опять кошачьим сплином,
И я пойму — в Москву бежать пора
От города домов из пластилина.

С тобой — наоборот, и ты никак
В Москве пробыть не можешь долго слишком...
Давай попьём...
...к пруду не приникай!!!
Пойдём-ка и возьмём ещё винишка!

2

Наталии Осташевой

Я с ненавистью
Плюю
В свою старую
Фотографию.

Порывно,
Странно.
Зачем?

Ведь она мне
Так нравилась.
Как и всем.

Я на ней
Такой выхухоленный,
Взледеянный,
Схожий с молодым Лениным.

Волосики
Без намёка на ломкость,
Речным потоком
Ласкающие плоть лица,
В которых
Руки по локоть
Утопить
От нежности хочется.

Лоб, проблемами не изъеденный,
Эвереста выше...

И будущей вредины
В нём не сыщешь.

Умные
Глазки-оконца,
Похожие на два больших солнца,
Только почему-то серых.

Взгляд гордый без меры
И презрительная усмешка
Джокондиных губок,
Которую женщины
Так бездумно любят.

.....

За что ж так его распинаю я?..
Что же такое,
Чтоб при взгляде меня
Так отчаянно болью било?
Воспоминания?

Да нет... Ревность...
Его-то
Она точно бы полюбила...

3

Владимиру Шевчуку

морфий отнюдь не снимает боли
он на время её приглушает
ржавый патрон в застрявшей обойме
заяц с оторванными ушами

стылого быта простая схема
снова посудину бьёт на части
я не гамлет моя дилемма
вешаться или резать запястья

ломка почти неизбежна впрочем
если решив пересесть на прозу
снова кого полюбить захочешь
пусть смертельною будет доза

Славе Харченко

Кто-то был распят свинцом на стене,
Когда метели страну замели.
Почему-то этот декабрьский снег
Был чернее самой земли.

А ветер чужое брал без стыда,
Люди лишались пальцев и рук.
Но не было тех, кто хотел рыдать,
Все хотели играть в игру.

И радость оскалом крестила мир,
Погрязший в бедах своих богов,
Которые раньше были людьми,
Но не помнил никто того.

Небосклон, прищутив цыганский глаз,
Звёзды украл, чтоб картину скрыть,
Как снимали ночью тайком с кола
Труп того, кто был чужд игры.

Шатыбелко

Читаешь Шаткого,
Будто ешь булку с корицей;
Хлопаешь вениками-ресницами

И чувствуешь в глазных впадинах
Чувств паводок.

Сла-а-а-дко!

Разворачиваешь плотную спираль строчек,
Отщипываешь строфы кусочками,
Любуешься,
Наливаешься яблоками в лице
И форму ощупываешь
Пуфиками паль-цев.

Стараешься вникнуть взглядом
Быстрее, чем тронуть руками,
И думаешь с придыханьем,
Как будешь...
Будешь ходить кругами
По серпантину из сдобы слова,
Смакуя приправу образов.

Вку-у-у-сно!
Но-о-о-во!..

И,
Пробуя языком, как вкус прозвучит,
От голода задыхаясь уже почти,
Ешь.

А потом ещё долго,
До-о-о-лго
Остаётся на губах и внутри
Послевкусие неповтори
Моё!

Герману Власову

Мы свечи в комнатах погасим,
Когда, незрим и невесом,
Бродячий сказочник Герасим
Обманом прокрадётся в дом.

Он скинет свой кафтан просторный,
Цветную пыль смахнёт с виска
И станет рисовать узоры
На ровной глади потолка.

Послушная его уловкам,
Ватага озорных лисят
Начнёт резвиться по кладовкам,
Где вещи старые висят.

Сто бабочек с обоев блёклых
Взмахнут неслышно, как прилив,
И заиграет в тёмных стёклах
Их пёстрых крыльев перелив.

Из ничего, из ниоткуда
Прольётся музыка на свет.
И основное в мире чудо
Мы осознаем — смерти нет.

Зелёный
Пушкин

* * *

Лишь новогодье стихнет,
Станут встречать славяне
Первый праздник в году.
Утра неразбериха
Звонницей улиц грянет,
Тяжкие сны пройдут.

Тихий двор возмутится;
В окна моей палаты
Видно всё торжество:
Как, окружив больницу,
Ёлки в белых халатах
Празднуют Рождество.

Ирис

До рассвета не спал — сны все твои прочёл,
Записывал их в короткие строчки.
Ирис тебе принёс — платиновый зрачок
В радужной — из других цветов — оболочке.

Он одинок, так же холоден, как и ты
В этом диком саду двуногих растений.
Он на ладонях твоих акварельных картин
Цветом своим цветá другие заменит.

Путаясь, будет твоим больным и врачом,
Станет гляncем твоей блестящей обложки.
Ты же опять во сне плакать будешь о чём-

То. Ну же, решай, ставь запятые, не точки,
Может, тогда бирюзовым станет зрачок
В радужной — из других цветов — оболочке.

Акросонет

Лето с тобой начинается в феврале.
Иней на стёклах, деревья в овечьих шубах.
Лёгкие краски — ранней зимы акварель.
И кажется, даже холод идёт на убыль.

Имя твоё лилово, чёлка твоя рыжа.
Глянешь глазами карими — нежный омут.
А дальше — одним рассветом с тобой дышать.
Знать, что не может быть по-другому.

И по-весеннему льётся с кустов сирень.
Зной предвещает жаркого лета забавы.
Обруч месяцев шлёт свои точки-тире...

Время от нас ничего не сможет убавить!
Осенью так же будем ходить в серебре
И целоваться расслабленными губами.

Триптих Лиле

1. Февраль

А я тебя — возьми и укради
И ну по тёмным улицам водить,
Тем, что расстроил пышноусый Йося.
Нам было в эти ночи не до сна,
Неделя пролетела, как весна.
В тоске по ней такое остаётся:

Бледнеть от отмороженной зимы,
И вспоминать, как мёрзли вместе мы,
И рифмовать Остудина с простудой.
Прибежище — случайное кафе,
И в воздухе внезапных чувств аффект,
Всё как вчера и не дойти дотуда...

Сидеть в Москве, писать тебе стихи,
По радио — Бюль-Бюль Оглы и Хиль
(Какой диджей волну такую гонит?).
Закрывать глаза и слушать и молчать.
Унывна одноглазая печаль,
Голодный сон один её поглотит.

Двумя я городами окремлён...
И снова ты, и снова — мы вдвоём,
Где башня, наклонившись, будто плачет.
Я ощущаю истину в вине,
И ты ко мне добра, но что ценней —
Не просишь от меня особых качеств.

Зачем себя за прошлое корить,
И по ночам с луною говорить,
И отдаваться бешеной мороке?
Всего сто тысяч шпал ведут туда,
Мне их пройти — не требует труда,
Дай мне ума не изменить дороге.

2. По дороге в Казань

Мне много лет покой не снился,
Но жить в борьбе со здравым смыслом —
Не сильный кайф.
Ночами ждал чего-то будто,
И снова начинался утром
Мой личный кампф.

Но всё прошло зимой холодной,
Как будто стёрлись эти годы,
И я уже
Не помню, что со мною было,
Какая провернула сила
Такой сюжет.

Считает шпалы скорый поезд,
Он знает, что теперь нас двое.
Лишившись сна,
В окно во тьме смотрю украдкой
И верю: будет всё в порядке
С тобой у нас.

И путь мне кажется короче:
«Твой город, где мечты и ночи,
Стихи, ветра...»
Но вдруг прервусь на полустрочке.
В глазах — рассвета рваный почерк,
Вставать пора.

И в тамбур выходить до срока.
От нетерпения дорога
Ещё длинней.
Не время праздновать победу,
Не брать Казань я ныне еду,
А сдаться ей.

3. Твоё имя

Твоё имя как колокольчик.
Твой приписной адрес — начало лета.
Ты носишь браслеты и под перчатками кольца.
У тебя инициалы «Литературной газеты».

Ты, как Сфинкс, загадочна и красива,
Твоя улыбка неувовимо прекрасна.
Я — «Little boy», ты моя Хиросима.
Ты — княжна, что в плену у Разина.

Любить тебя лучше всего в апреле,
Целовать, гладить волосы твои терракотовые.
Пересекаются наши параллельные.
Неизменно.
Кто ты?

Зелёный Пушкин

Снова весна.
Дольше жить захотели и сами дни,
Отодвигая от нас всё дальше
Печаль.
На Пушкинской площади вдруг
Распустился памятник,
У которого люди встречаются.

Проснулся от спячки,
Смеясь, посмотрел на солнышко,
Душисто набух
Зелёными нежными почками,
Зашелестел,
А над ним
Ослепительный неба шёлк
Сверкнул в ответ.

И калейдоскопом волшебным
Картина крошится,
Лишь только тряхнёт он
Кудрявой зелёной гривой.
А люди глядят в изумлении
И жадно-взахлёб
Это дивное диво пьют.

И солнце над этим
Сияет
И дарит миру
Покой.

Каким только мир
Не привидится — не представится,
Пока ждёшь с нетерпеньем
Любимую.

Содержание

Александр Переверзин. Об этой книге 3

Ольга Ермолаева. Заметки об Андрее Новикове 5

Московская прогулка

«Опять один. Отрезанный ломоть...» 15

«Смотри — по краешку беды...» 16

«Подсудимому всегда полагается...» 17

«минотавр давно убит...» 18

«Крыша, простившись с городом...» 19

Настоящее кино 20

Стансы 21

ХВВ 22

«ты безусловно станешь старше» 23

Любовь к шампанскому 24

Московская прогулка

1. «Давай попьём из Чистого пруда...» 26

2. «Я с ненавистью...» 27

3. «морфий отнюдь не снимает боли...» 29

4. «Кто-то был распят свинцом на стене...» 30

5. «Читаешь Шаткого...» 30

6. «Мы свечи в комнатах погасим...» 32

Зелёный Пушкин

«Лишь новогодье стихнет...» 35

Ирис 36

Акросонет 37

Триптих Лиле

1. Февраль 38

2. По дороге в Казань 39

3. Твоё имя 40

Зелёный Пушкин 41

Андрей Новиков. Нерасчётливый наследник

редактор:

А. Переверзин

художник:

С. Труханов

корректор, технический редактор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 10.09.2014.

Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 2,75

Тираж 400 экз.

Андрей Новиков родился в 1974 году в Люберцах. В 1996 году окончил исторический факультет МОПИ имени Н. К. Крупской. Один из основателей литературной группы «Рука Москвы» и Международного фестиваля поэзии «Порядок слов» в Минске, куратор портала «Всемирная литафиша». Издатель журнала «Современная поэзия» (до 2006 года — «Сетевая поэзия»), редактор поэтической серии при журнале. Работал в издательстве «Арт Хаус медиа». Публиковался в «Литературной газете», журналах «Юность», «Футурум Арт». Трагически погиб 15 марта 2014 года.